

ТЫ НЕ ХАЛЯВЩИК, ЛЁНЯ,

Кн. обозрени. — 1995. — 31 авг. — с. 14-15

Процветало б «МММ»,
Сердце б не болело бы.

Между прочим, все это — частушки, «сложенные акционерными АО «МММ», как явствует из примечаний книги, о которой будет вестись речь. Конечно, это не Фет. Но все-таки — «посильнее «Фауста», как сказал бы, пряча добрую улыбку в усы, Лучший Друг всех акционеров «МММ».

Наконец-то свершилось: нас признали идиотами.

Мы были кондукторшами трамвая, на котором загрированный вождь пробирался ночным Петроградом в Смольный. Мы были ходоками, приходившими к Ильичу пить чаек и говорить за-про жизнь. Мы были трактористами и кубанскими казаками (в одноименных кинолентках). Мы следили за полетом Гагарина и болели за Фиделя на его далеком острове Свободы... Мы простодушно верили своим вождям, носили их портреты, на которых они — щечка к щечке — глядели впе-

ред — в наше лучезарное будущее. Мы аплодировали их великой прозорливости, а во всех неудачах и ошибках винули себя... Наши вожди называли нас в своих исторических докладах «массой» и уж наверняка были невысокого мнения о наших умственных способностях (с носителями высокого ума — с теми, «кого призвали всеблагии как собеседников на пир», они знали, как поступать! И поступали!). Но идиотами нас за эти семьдесят с лишним лет не считали! Во всяком случае — в глаза.

Книга Владимира Пермякова, записанная с его подачи кинодеятелем Андреем Пылаевым (кстати, кто такой?) «Как я стал Лёней Голубковым» (М.: СИРИН, 1994. — 188 с. Тираж 50 000 экз.), стала нашим зеркалом, смотреться в которое — страшно: когда бы кто бы в него ни заглянул, в ответ на него будет глядеть лопухий, одураченный совковый идиот, простодушно продолжающий верить — в атомном и бунташном веке — в

молочные реки с кисельными берегами, скатерти-самобранки, благотворность Емелиного лежебочества на печи... Продолжающий верить — и в доказательство своего простодушия приносящий на трехбуквенный алтарь «МММ» свои сбережения.

Достоинство художника?.. Да ночевало ли оно в душах тех Пигмалионов, кто презрительно вылепливал имидж Лёни Голубкова и его брата Ивана — с неотмытым блеском кретинизма в глазах?

Талант?.. Во имя того, чтобы облапошить, обмануть, одурочить, отобрать у старух последние «гробовые» деньги...

Совесть, в конце концов?.. Допускаю, что Владимир Пермяков — совестливый человек. Значит — купился на пирожок со сладкой начинкой «МММ»? Или — так вошел в образ, что застрял в нем всеми своими провинциальными углами-заусенцами и нет пути назад?

Художника должно судить по законам, признаваемым им над

собою... По каким законам судить создателей этой книги? Допускаю в качестве контраргумента:

*Честь безумцу, который
навеет
человечеству сон золотой...*

Но этот «золотой сон», Лёня, как и твоя призрачная слава, замешены на слезах тех, кто поверил тебе, увидел в тебе **своего** — и отдал последние деньги. А теперь — стоит на Варшавке, митингует. Хотя нет, бросил митинговать: разуверился в правде.

«Я хочу работать — играть роли, снимать фильмы. И мыслью постоянно возвращаюсь в безвестность. В то время, а оно тут рядышком, рукою достать можно, — когда я был никем. Мой послужной список велик — я грузил лес, играл на сцене, работал токарем по лимиту, снова играл, снимался в кино и писал, писал свои никому не нужные сценарии.

Это жизнь обычного человека с устремлениями к лучшему. с

ТЫ — ПИСАТЕЛЬ!

попытками как-то строить жизнь в этом лучшем из миров поудобнее и реализовать себя. Вот это последнее, пожалуй, самое главное. Реализовать себя в деле, нужном людям...»

Честно сказано. Честно — и бессовестно. Скажете: цинизм, идущий от провинциальной искренности... Чеховский дядя Ваня тоже был провинциалом. И — три сестры. Да и сам провинциальный врач Антон Павлович — родом из Таганрога...

Теперь не выдавливают из себя по каплям раба. Теперь напротив — как люберецкие качки — накачивают мышцы сердца рабским достоинством: авось, сойдет на столичной тусовке за самообытность!

«Даю интервью радио «Свобода».

Вопрос:
А вы не допускаете такую мысль, что актер, который с удовольствием играет, например, для фирмы какой-нибудь, вдруг узнает, что эта фирма не та, что он думает, эта фирма обманывает людей...»

Сердце замирает. Ну, Лёня, вот твой **настоящий** звездный час: отвечай! **Правду!** Врежь всем суфлирующим кинодеятелям с холеными усиками! Вспомни — ты родом из деревни Пермьяково (если и это не придумал для книжки твой соавтор!).

Нет, на вопрос «Свободы» Лёня отвечает подсказанным вопросом:

«— Что, вот актер, который вдруг понимает, что очень много обманутых людей, не хочет работать для такой фирмы? — уточняю я.

— Знаете, сейчас актер, который много лет снимался в рекламе сигарет одной крупной фирмы, вдруг спустя там 20 лет осознал, что он рекламировал вещь, которая приносит вред людям, и теперь он ведет такую яростную антитабачную пропаганду. Говорит, это была ошибка, не надо курить никаких сигарет, все, что я говорил, все это неправильно. Ну вот, подобные примеры вам как-то...» — не унимается «Свобода», прямо-

таки подсовывая нашему Лёне шпартгалку: скажи правду, спаси душу, она тебе дана Богом...

Фига! Не на того напали: «Время, когда я был никем, оно тут рядышком...»

Впрочем, здесь Лёня Голубков (и его соавтор) находят не-обходимым потеоретизировать:

«Не только перед актером стоит такая проблема. Если каждый человек решит ее правильно — вот и выход из всех наших бед.

Но ведь надо еще приобрести право решать. Если бы не пригласили меня на роль Лёни Голубкова, что было бы со мной? Скорее всего ничего не было. Карьера в искусстве делается на благе, связях, кумовстве. А еще — на везении... Мне повезло в жизни, рука, линии которой благоприятствовали удаче, не подвела.

Обо мне теперь даже песни сочиняют...» и т.д. Дальше идут тексты песен (вполне «голубковские», сиречь — графомания на полном ходу!).

В общем-то, философия

слишком проста, чтобы быть философией: коль допустили к кормушке, Лёня, вцепляйся всеми своими зубами, среди которых примостился один железный («— Он у вас был или вам специально его заказали сделать? — Нет. Был. Я в детстве сломал зуб, вот и вставил эту фикса...»). Не отпускай, Лёня! Ты получил свой шанс! Вспомни всех этих освященных литературной традицией Растиньяков и Глумовых...

И попробуй здесь Лёню не понять, глядя на нынешние артистические, режиссерские, певческие и др. династии (упоминаем безо всяких оценок — только для «лёниной статистики»!) Михалковых — Кобзонов — Евстигнеевых — Пугачевых — Ефремовых — Лазаревых — Пресняковых — Ледогоровых — Самойловых — Вертинских — Маликовых — Бондарчуков — Захаровых — Невинных — Славазайцевых — Табаковых — Райкиных — Менглетов — Чирковых — Пьех — Дуровых — Прудкиных — Абдуловых —

Рыжовых — Талызиных — Ко-заковых — Этушей — Кадочниковых... Марк Захаров в своем «Мудреце» дал прекрасную метафору: Глумов всеми правдами и неправдами прорывается к обеденному столу — к своей тарелке. Наш Лёня сделал из метафоры маэстро оргвывод (паче чаяния, следом появился спектакль, в котором тот же Захаров задействовал отпрысков актерских династий — еще одна метафора, всеми своими параметрами принадлежащая Жизни в искусстве — нынешней жизни в нынешнем искусстве!). Винавот ли Лёня Голубков, бедный статист массовки, входящий в картотеку «Мосфильма», что поступил так, как поступал герой постановки Захарова?

Кто первый бросит в него камень? Он — сам.

Чтобы разбить зеркало, в которое — когда бы ни заглянул — всегда будет одно: «Я не халывщик — я партнер!»

И поймать прилетевшее из суфлерского зазеркалья эхо: «А почему бы и нет, Лёня? АО «МММ».

А потом увидеть, что зеркало — не разбивается. Никогда.

А. СТОЛИЧНЫЙ.

КАК
СТАЛ

ЛЁНЕЙ
ГОЛУБКОВЫМ

Как у тещи в огороде
Голубков гуляет.
Он не пашет и не сеет,
Акции сшибает.

Словили кайф? Нет? Сейчас
— словите:

Мы картиночки глядели
С Милкою на лавочке.
Больше всех от той
балдели,
Где сидят три бабочки.

А теперь прониклись высоким
чувством народной поэзии? Гм?
Странно!

В поле б маки не цвели,
Поле б не алело бы.

ак